

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО
МУСУЛЬМАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1917–1920-х гг.:
ФОКУС ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Кристиан Ноак

Амстердамский университет, Амстердам

Пересмотр западной литературы по истории советской национальной политики, написанной накануне Второй мировой войны и в период холодной войны, может, на первый взгляд, показаться пустым занятием. Что тут может быть любопытного? Даже если «большевизация» историографии революционной эпохи, происходившая во второй половине 1920-х гг., а также последующие репрессии против национальных кадров в 1930-х гг. приве-

ли к установлению в известной степени «партийной» интерпретации, не стоило бы ожидать, что на Западе просто свернули бы смысл нарратива? Или заменяли бы доминирующую линию интерпретации – теорию классовой борьбы как стержня исторического процесса – некритическим восхождением национально-освободительных движений? В этом утверждении, несомненно, большая доля правды. Однако, мне кажется, не стоит *a priori* недооценивать критический потенциал западных исследователей и, возможно, игнорировать альтернативные подходы к контекстуализации проблемы. Ведь долгие годы восстановлением альтернативных интерпретаций, как минимум до 1960-х годов, занимались либо западные исследователи, либо эмигранты. Историография последних, как известно, имела некие общие черты с советской, например, ее телеологический характер. К тому же мне представляется интересным изучить как источниковедческую базу, так собственно эпистемологию западной литературы. Насколько она могла бы быть оригинальной в этом отношении?

В моем коротком обзоре я ограничусь рассмотрением историографии периода 1930 – начала 1960-х гг., поскольку в более раннем периоде серьезных западных исследований просто не было. К тому же «новая» татарская (и башкирская) историография, как ее назвал Эдвард Лаззерини [Lazzerini, 1981], реабилитирующая джадидизм, в 1960–70-х гг. коренным образом изменила векторы исследований в Советском Союзе и, следовательно, на Западе. Поэтому я закончу свой обзор началом 1960-х гг. Я также исключаю из анализа работы таких «действующих лиц», как Г. Баттал, Г. Исхаки или А.-З. Валиди, которые явились важными, возможно и личными, информаторами ряда западных исследователей.

Исследователи и публикации

На Западе немецкие исследователи первыми обратились к данной проблематике. В рамках нацистского антибольшевизма они заинтересовались антиправительственным потенциалом нерусских народов СССР, которыми хотели воспользоваться немецкие власти в грядущей войне. Среди немецких публикаций следует выделить книгу молодого тюрколога Герхарда фон Менде «Национальная борьба российских тюрков» [von Mende, 1936].

В 1950-х гг., в разгар холодной войны, по этой тематике работали американские исследователи Ричард Пайпс и Серж Зеньковский. Они оба были эмигрантами из Восточной Европы: Р. Пайпс из Польши, а С. Зеньковский родом из Киева, и потому хорошо знакомы со славянскими языками и российскими обстоятельствами периода революций и гражданской войны. За несколько лет до издания своих монографий (в 1954 и 1960 гг.) оба автора опубликовали свои «программные» статьи (в 1950 и 1957 гг.). Обе ста-

тии были посвящены татаро-башкирскому конфликту. Должное внимание данной теме было уделено и в книге Р. Пайпса «Формирование Советского Союза: Коммунизм и национализм, 1917–1923». В ней, как и в статье 1950 г., историк попытался оспорить советские мифы о решении национальных проблем в период создания РСФСР и СССР [Pipes, 1950, p. 303–4]. Мусульмане представляли для Р. Пайпса лишь один прецедент (case), в то время как С. Зеньковский в своей монографии «Пантюркизм и ислам в России» фокусируется на мусульманском движении. Его интересовало, прежде всего, объединяющая идея пантюркизма. Как он писал в предисловии, только в процессе изучения этой проблемы ему стало ясно значение ислама [Zenkovsky, 1960, VII–VIII].

Следует отметить и ответную статью английского историка и политолога Эдуарда Харлета Карр «Некоторые замечания по поводу Советской Башкирии», которая была опубликована в журнале *Soviet Studies* в 1957 г. Э. Карр не являлся специалистом по истории советских национальных меньшинств. Национализм интересовал его, прежде всего, как предпосылка изменений в области международных отношений Советского Союза [Morgenthau, 1948, p. 131–132]. В своей статье по башкирскому вопросу автор не оспаривал большинство выводов Р. Пайпса, но критиковал последнего за «узкость» интерпретации [Car, 1957, p. 217].

В конце концов, в послевоенной Франции Александр Беннигсен, также российский эмигрант, стал изучать вместе с Шанталь Лемерсье-Кельеже мусульманское движение в Российской империи и в раннем Советском Союзе. Их монография «Национальные движения российских мусульман: султангалиевщина в Татарстане» [Bennigsen/Lemercier-Quelquejay, 1960], написанная во время Алжирского кризиса, сосредоточилась на антиколониальном потенциале синтеза ислама и коммунизма. В рамках запланированной авторами серии по мусульманскому национализму вышла еще лишь одна книга, посвященная мусульманской печати [Bennigsen/Lemercier-Quelquejay, 1964].

Решающие моменты

В своем анализе я сосредоточился на трактовке трех ключевых моментов в истории российского мусульманского движения периода революции 1917 г. и гражданской войны. Во-первых, это вопрос о том, как авторы оценивают роль майского и июльского Всероссийских мусульманских съездов (1917) не только в связи с распадом всероссийского движения, но и в контексте раскола между татарами и башкирами. Во-вторых, меня интересует, как западные историки оценивали последствия разрыва между «левыми» и «правыми» силами внутри мусульманского движения, очевидное в По-

волжье и на Урале в 1917–1918 гг. Третий момент – это вопрос о так называемом башкирском ирредентизме и его влиянии на судьбу концепции «Идел-Уральского» штата и Татаро-Башкирской республики в контексте гражданской войны 1918–1920-х гг.

Распад всероссийского движения мусульман и съезды 1917 г.

События на майском (Московском) и июльском (Казанском) съездах детально прослеживаются у всех авторов. Без указания источников Г. фон Менде утверждал, что А.-З. Валиди (Ахмедзаки Валидов) уже во время Московского съезда потребовал территориальную автономию для казахов и башкир и, таким образом, рано поставил под вопрос возможность создания автономии мусульман внутренней России и Сибири [von Mende, 1936, S. 130–131]. Р. Пайпс и С. Зеньковский следовали за фон Менде в этом тезисе, частично прямо ссылаясь на него [Pipes 1950, p. 306; Zenkovsky, 1958, p. 40–41]. Только в своей монографии С. Зеньковский разъяснял, что А.-З. Валиди защищал в Москве идею территориальной автономии в качестве депутата от Туркестана [Zenkovsky, 1960, p. 149]. На самом деле А.-З. Валиди в своих воспоминаниях жаловался на то, что немецкие и американские исследователи принимали эту версию фон Менде без критики, поскольку им не были доступны протоколы съезда, опубликованные лишь на татарском языке [Валиди Тоган, 1997, с. 122]. Любопытно, однако, что этот «факт» не упоминается у А. Беннигсена.

Как показывают новейшая российская и западная историографии, несомненно, вопрос о возможном сотрудничестве башкир с татарами фактически оставался открытым и после июльского (Казанского) съезда, т. е. вплоть до провозглашения декларации башкирской государственности в декабре 1917 г., но, возможно, и позже.

Примечательно и то, что фон Менде напоминал дискуссию о самобытности башкирской культуры и языка, развернутой в мусульманской печати в 1917 г. Он обширно цитирует антибашкирскую полемику джадидистов, например, статью Джамалетдина Валиди в газете «*Вақыт*» (23 май 1917), которую фон Менде, кстати, читал в русском переводе Типеева. В этой статье Дж. Валиди отрицал самостоятельное существование башкир как нации и настаивал на том, что этноним «татары» означал всех мусульман «внутренней России», тем самым критикуя концепцию «культуризации» А.-З. Валиди в отношении социальных различий между татарами и башкирами [von Mende, 1936, S. 130–1]. Культурное измерение раскола между этими нациями, в частности, «персонализация» раскола в лице А.-З. Валиди, отражалось не только в трудах Пайпса или Зеньковского, но и в более поздних англоязычных работах. Таковую же персонализацию конфликта мы нахо-

дим в лице Сталина, который являлся первоначально протектором, а позже стал главным оппонентом А.З. Валиди. Персонализация конфликта, таким образом, стала важным детерминантом объяснения дальнейшего взаимного отчуждения в условиях гражданской войны между башкирами и русскими, с одной стороны, и татарскими большевиками, с другой. В конечном итоге это привело к краху концепции Штата Идель-Урал и Татаро-Башкирской республики (об этом более подробно будет сказано ниже).

Раскол между «левыми» и «правыми» силами

Западные исследователи оказались не очень склонны связывать распад Всероссийского движения мусульман с расколом между «либеральными» и «социалистическими» его крылами. Только А. Беннигсен писал об этом довольно подробно [Bennigsen/Lemercier/Quelquejay, 1960, p. 70–92]. Для объяснения маловажности раскола между мусульманскими либералами и социалистами в деле развития событий весны-лета 1917 г. упоминается тот факт, что представители обоих лагерей находились как среди сторонников культурной, так и приверженцев территориальной автономии [Pipes, 1954, p. 158]. К тому же наблюдается постепенный рост левых симпатий среди мусульманских деятелей, который способствовал сотрудничеству татар с большевиками под флагом Татаро-Башкирской республики в 1918–1919 гг. [Pipes, 1954, p. 158–60]. По вполне понятной причине фон Менде полностью проигнорировал эту проблему: если бы он более объективно изложил левые симпатии мусульманских националистов в 1917–1918 гг., он поставил бы под сомнение их ценность как возможных партнеров Германии в грядущей антисоветской борьбе.

Все остальные авторы подчеркивают, что данный левый уклон отнюдь не означал «большевизацию» этих «левых» мусульман. При этом указывается на роспуск большевиками отдельной *муспартии* в ноябре 1918 г. из-за недоверия к истинно коммунистическим убеждениям мусульманских социалистов [Pipes, 1954, p. 160–1; Bennigsen/Lemercier-Quelquejay, 1960, p. 128–9]. В конечном итоге то же самое касается отказа от концепции большой мусульманской республики в Волго-Уральском регионе. Прежде всего, Р. Пайпс видел в этом заранее предвиденный результат, поскольку и идеологические воззрения большевиков, и их восприятие неизбежности политики не позволили нацменьшинствам собственную супратерриториальную партию или реальную автономную государственность [Pipes, 1950, p. 319].

А. Беннигсен больше, чем остальные западные авторы, трактует вопрос об «истинности» коммунистических убеждений у мусульман, т. к. исследователь особо выделял исламские, реформаторские и антиколониальные

аспекты в сознании М. Султан-Галиева [Bennigsen/Lemercier-Quelquejau, 1960, p. 105–111].

В несколько ином ракурсе рассматривается этот вопрос у башкир. Большинство западных исследователей полагало, что башкирская позиция в земельном вопросе исключала сближение с коммунистами сверх тактических компромиссов. В качестве свидетельства западные исследователи указывали на статистические сведения, а также на то, что именно местные парторганы выступили в защиту русских и мусульманских колонистов против башкирских землевладельцев [Pipes, 1950, p. 311, 319]. Таким образом, они подрывали консолидацию башкирской автономии уже на раннем этапе, когда последняя еще полностью поддерживалась Москвой. Кстати Э. Карр утверждал, что среди башкир были крестьяне, не владевшие землей. Тем самым он оспаривал тезис, что башревком под руководством А.-З. Валиди мог бы претендовать на презентацию башкирских интересов в целом [Car, 1957, p. 223].

Вопрос о «Башкирском ирредентизме»

В этом разделе будут проанализированы интерпретации создания советской «Малой Башкирии» и судьба концепции Татаро-Башкирской республики в контексте гражданской войны 1918–1920 гг. Этот эпизод детально обсуждался Р. Пайпсом, Карром и Зенковским, но он оставался крайне маргинальным для Г. фон Менде и А. Беннигсена.

Все англоязычные исследователи детально рассматривают известное соглашение башкир с советской властью от 23 марта 1919 г., благодаря которому была создана Башкирская автономия [Pipes, 1954, p. 162]. Изложение фактов у наших авторов не слишком различалось, что нельзя сказать об интерпретациях.

Р. Пайпс считал, что это соглашение явилось существенной уступкой башкирам со стороны советской власти, намного более существенной, нежели в случаях с другими национальностями. К тому же согласие на отдельную башкирскую автономию означало, по мнению Пайпса, отказ от Татаро-башкирского проекта, реализацию которого большевики пропагандировали с весны 1918 г. [Pipes, 1950, p. 311; Pipes, 1954, p. 162]. По мнению Пайпса, из-за интеллектуального разрыва (*mental gap*) между большевиками и башкирским лидером А.-З. Валиди, последний неверно трактовал тактический характер этой уступки, воспринимая ее как карт-бланш. Подчеркивая наивность башкирского лидера, Р. Пайпс указывал на редкую проницательность Сталина, который, с одной стороны, мастерски противопоставил башкир местным татарским и русским коммунистам, а с другой стороны, явно персонифицировал конфликт [Pipes, 1950, p. 311–312; Pipes, 1954, p. 163–164].

Поэтому его первая статья заканчивается решающим поединком 1920 г., в котором А.-З. Валиди и его башкирские сторонники потерпели крушение.

Э. Карр критиковал Р. Пайпса за преувеличение компромиссного характера соглашения 1919 г. и за его симпатии к башкирскому делу. Причину отказа от проекта учреждения национально-культурной автономии башкир и перерастания идеи национальной государственности в проект Татаро-Башкирской республики Э. Карр связывал с экономическими причинами, обусловленными победой большевиков в гражданской войне и необходимостью восстановления народного хозяйства. Критикуя Р. Пайпса за нравоучительный тон, Э. Карр указывал на прагматический характер советских решений, сравнивая их с практикой других колониальных государств [Carr, 1957, p. 222–223].

С. Зеньковский следовал за Р. Пайпсом в том, что он, по-видимому, считал башкирское руководство в лице А.-З. Валиди ответственным за якобы патологическое недоверие к татарам, что препятствовало созданию единого тюркского фронта против русских претензий в Поволжье и на Урале. С. Зеньковский допускал, что «не будет преувеличением сказать, что развитие башкирского национального движения в 1917–1920 гг. всецело явилось итогом исследовательских стараний Валидова» [Zenkovsky, 1958, p. 40]. Однако в отличие от Пайпса, Зеньковский учитывал культурную сторону конфликта и справедливо оспаривал вывод Р. Пайпса о том, что уже весной 1919 г. Москва окончательно отказалась от проекта Татаро-Башкирской республики [Zenkovsky, 1958, p. 50–51]. Тем не менее С. Зеньковский, как и Р. Пайпс, считал, что судьба Башкирской автономии отразила имперский характер советской национальной политики на данном этапе, поскольку она реализовывалась по принципу «разделяй и властвуй» [Zenkovsky, 1958, p. 186].

Источниковедческая база

Все без исключения западные исследователи того времени полагались на раннюю советскую историографию. Г. фон Менде и Р. Пайпс использовали то, что было опубликовано до начала 1930-х гг., С. Зеньковский и А. Беннигсен – труды, выходившие вплоть до середины 1950-х гг. Среди цитируемых ими авторов можно выделить М. Султан-Галиева [1922], С. Атнагулова [1925], Г. Ибрагимова [1926], Е. Грачева [1926], М. Муртазина [1927], Ш. Типеева [1929], Ф. Самойлова [1933] и др. Важными источниками являлись также такие центральные издания, как коллективный труд А. Аршаруни и Х. Губайдуллина [1931] и ряд сборников документов, в том числе «Политика советской власти по национальному вопросу» [1920], «Материалы по изучению Татарстана» [1926], «Советская политика за десять лет

по национальному вопросу» [1928] и «Революция и национальный вопрос» [1930]. Авторы также широко использовали такие периодические издания, как «Жизнь национальностей», «Пролетарская Революция», «Вестник научного общества театроведения» и др. Среди публикаций 1950-х гг. следует выделить работы Р. Раимова [1952], С. Руденко [1955], «История Татарской АССР» [1955], «Советская Башкирия» [1957], юбилейный сборник «Революция 1905–1907 гг. в России» [1955] и др.

Примечательно, что даже те авторы, которые владели восточными языками, за редкими исключениями, пользовались почти исключительно русскоязычными источниками: фон Менде иногда ссылаясь на А. Баттала [1925] и цитировал мусульманскую печать в переводе русских цензоров. Лишь С. Зеньковский обращался к татароязычным протоколам Московского съезда 1917 г.

Таким образом, взгляды досоветских и либеральных участников событий во многом учтены неадекватно. Определенное исключение представляет, пожалуй, лишь Г. фон Менде. Но в отличие от своих советских коллег, западные исследователи могли сопоставлять ранние и поздние советские исследования и анализировать имеющиеся несоответствия и противоречия. В то время в Советском Союзе фактически невозможно было отклониться от партийной линии, согласно которой создание этнических республик на подобие Татарской и Башкирской АССР явилось бы естественным исходом исторического процесса¹. В силу этого, трактовка проблемы в западной «советологии» не обязательно является отрицанием выводов и наблюдений советских исследователей, а представляет собой результат нюансированного анализа источников. Вместе с тем нельзя не признать того факта, что советский нарратив влиял на репрезентацию произошедшего. Это касается, например, общей перспективы исследований, которая приписывает инициативу центральной власти и игнорирует местные факторы.

Альтернативные интерпретации?

Исследовательские цели и источниковедческая база, как мы видим, во многом предопределяли наблюдения и выводы западных исследователей. Р. Пайпс и С. Зеньковский, например, были вполне зависимы от ранней советской историографии, которую они излагали в антисоветском духе времен холодной войны. Хотя эти авторы имели личные контакты с видными татарскими и башкирскими эмигрантами, влияние последних на освещение произошедшего оставалось удивительно маргинальным.

¹ Анализ последующего их пересмотра, последовавшего в 1960–1970 гг., выходит за рамки данной статьи.

Р. Пайпс ставил себе цель доказать, что большевики рассматривали национальный вопрос через призму классовой борьбы [Pipes, 1950, p. 318–319]. Поэтому все компромиссы с национальными движениями обязательно должны были быть временными или тактическими, покуда большевики не одержали победу в гражданской войне. С той минуты, когда отпадает необходимость идти на компромисс, большевики вводят в национальную политику принцип «разделяй и властвуй» [Pipes, 1950, p. 316, 318–319; Pipes, 1954, p. 171–172]. Национальную элиту Р. Пайпс считает скорее безинициативной. Деятельность А.-З. Валиди ему представляется как серия наивных реакций на предложения или действия московского центра или местных советских органов. Р. Пайпс сочувствовал башкирскому лидеру, но наряду с этим отказывал ему в самостоятельности (*agency*).

Э. Карр, в отличие от Р. Пайпса, не столько рассматривал советский проект в рамках идеологических нововведений, сколько предлагал анализировать модернизацию империи в сравнительной перспективе. Его выводы во многом были менее критичными по отношению к советской власти. Не отрицая полностью волюнтаризм большевиков, он указывал также на практические трудности в трансформации бывшей империи, например, на слабо развитое этническое самосознание нерусских народов. Для Карра доказательством этого служило колебание части населения, которое в переписях 1897 и 1926 гг. называло себя то татарами, то башкирами. Карр считал, что перед большевиками стояло лишь две альтернативы: либо создать «сложносоставные», либо «отдельные» национальные территории [Carr, 1957, p. 219–220]. Реализация последнего варианта не обязательно явилась следствием стратегии «разделяй и властвуй», но учитывала экономические и демографические реалии того времени.

С. Зеньковский, в свою очередь, во многом следовал за Пайпсом, оценивая советскую политику в области национального вопроса как имперскую и отрицая вероятность альтернативных сценариев развития. Таким образом, взаимное личное недоверие татарских и башкирских лидеров являлось, по его представлениям, решающим моментом, препятствовавшим успешному сопротивлению тюрко-татар большевикам [Zenkovsky, 1958, p. 57].

Тем самым С. Зеньковский, как и Р. Пайпс, очень высоко оценивал роль личности в истории. В то же время С. Зеньковский разделял мнение Г. фон Менде (как и мнение современных джадидов), что башкирская нация была искусственно создана А.-З. Валиди. Особенно это касалось создания отдельного башкирского языка и отдельной башкирской культуры. На это противоречие указывал, кстати, Э. Карр [Carr 1958, p. 233, n. 7].

Какие альтернативы предлагают англоязычные исследования? С одной стороны, они стремились разоблачить советские мифы. С другой стороны,

в этих работах также очевидна односторонность «советологического» подхода. Они не ставили под сомнение доминирующую роль большевистских лидеров или присутствие у них некоего генерального плана. Следует отметить, что советологическая историография оставалась доминирующей на Западе вплоть до начала 1990-х гг., когда развал Советского Союза снова вернул национальный вопрос на повестку дня. Вплоть до открытия архивов в 1990-х гг. царствовала сугубо политическая история, в которой Сталин оставался главным виновником раздробления единого мусульманского движения, а А.-З. Валиди отводилась роль его младшего партнера. В качестве примера такого подхода можно назвать монографию Стивена Блэнка под названием «Волшебник как ученик: Сталин как наркомац, 1917–1924» [1994]. В то же время определенные неточности «мигрировали» из одного текста в другой. В этом контексте важной представляется односторонняя оценка А.-З. Валидова, данная в книге фон Менде, которая, очевидно, сильно повлияла на других авторов 1950–1960-х гг. Это любопытно, потому что в 1950-х гг. культурное измерение национального движения мусульман, очень важное для Г. фон Менде, отходит на задний план. Идейная история А. Беннигсена и Ш. Келькеже в этом отношении представляется скорее исключением из правила, но она ограничивается фиксацией концепций, альтернативных концепции М. Султан-Галиева, анализируемых в контексте несостоявшейся советской деколонизации.

Итак, кроме Г. фон Менде и С. Зеньковского, все остальные западные авторы интересовались политикой центра куда больше, чем изучением «взгляда снизу». Но и Г. фон Менде, и С. Зеньковский анализируют татаро-башкирский раскол только в качестве примера. В своих монографиях они освещали и судьбу других мусульманских национальных движений. В итоге и западная, и российская историография занялись восстановлением картины, происходившей на местах (т. е. перспективы снизу), только после распада Советского Союза, когда был открыт доступ к материалам центральных и местных архивов. Такие региональные истории, однако, не всегда были свободны от другого штампа советской историографии: они рассматривали события 1917–1920 гг. только через призму этнической истории. В рамках такого подхода, раскол мусульманского движения и создание отдельных территориальных автономий представляется своего рода «естественным» итогом исторического процесса. В этом отношении рассуждения западных авторов были куда более осмотрительными.

Литература

- 20 лет Татарской АССР. – Казань: Татгосиздат, 1940.
Battal Abdullah *Kazan Türkleri, tarikhy ve siyasi görüşler* / Abdullah Battal. – Istanbul: Amidi Matbaası, 1925.

Bennigsen A. Lemerrier-Quelquejay, Chantal, La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920 / A. Bennigsen. – Paris: Mouton, 1964.

Bennigsen A. Lemerrier-Quelquejay, Chantal, Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie, tome 1. Le sultangaliévisme au Tatarstan / A. Bennigsen. – Paris: Mouton, 1960.

Carr E.H. Some Notes on Soviet Bashkiria / E.H. Carr // Soviet Studies. – 1957. – Vol. 8. – № 3. – PP. 217–235.

Lazzerini Edward J. Tatarovedenie and the ‘New Historiography’ in the Soviet Union: Revising the Interpretation of the Tatar-Russian Relationship / Edward J. Lazzerini // Slavic Review. – 1981. – Vol. 40. – № 4. – PP. 625–635.

Morgenthau H. The Political Science of E.H. Carr / H. Morgenthau // World Politics. – 1948. – Vol. 1. – № 1. – PP. 127–134.

Pipes R. The First Experiment in Soviet National Policy. The Bashkir Republic, 1917–1920 / R. Pipes // Russian Review. – 1950. – Vol. 9. – № 4. – PP. 303–319.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism 1917–1923 / R. Pipes. – Cambridge Mss.: Harvard University Press, 1954.

von Mende, G. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion / G. von Mende. – Berlin: Weidmann, 1936.

Zenkovsky, Serge A. The Tataro-Bashkir Feud of 1917–1920 / Serge A. Zenkovsky // Indiana Slavic Studies. – 1958. – Vol. 2. – PP. 37–61.

Zenkovsky, Serge A. Pan-Turkism and Islam in Russia / Serge A. Zenkovsky. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960.

Аршаруни А.М. Очерки панисламизма и пантюркизма в России / А.М. Аршаруни, Х. Губайдуллин. – М.: Безбожник, 1931.

Атнагулов С. Башкирия / С. Атнагулов. – М.-Л., 1925.

Валиди-Тоган З. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных турков за национальное существование и культуру / З. Валиди-Тоган. – М., 1997.

Грачев Е. Казанский Октябрь. Хроника Революции 1917 (период март–октябрь) / Е. Грачев. – Казань: Истпартотдел Татобласткама ВКП(б), 1926.

Ибрагимов Г.Г. Татары в революции 1905 г. / Г.Г. Ибрагимов. – Казань, 1926.

История Татарской АССР. Том 1. – Казань: Таткнигоиздат, 1955.

Материалы по изучению Татарстана: сб. статей. Вып. II / под ред. Г.Г. Ибрагимова, Н.И. Воробьева. – Казань, 1925.

Материалы по истории Башкирской АССР. – М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1936.

Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданской войне / М.Л. Муртазин. – М., 1927.

Политика Советской власти по национальному вопросу за три года, 1917–1920. – М., 1920.

Раимов Р.М. Образование Башкирской АССР / Р.М. Раимов. – М., 1955.

Революция и национальный вопрос. Том 3. – М., 1930.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки / С.И. Руденко. – М.-Л., 1955.

Самойлов Ф. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. Из истории первого опыта советской национальной политики / Ф. Самойлов. – М., 1933.

Советская Башкирия. Исторические очерки. – Уфа, 1957.

Советская политика за десять лет по национальному вопросу в РСФСР: сб. док. – М.: Политиздат, 1928.

Султан-Галиев М. Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман / М. Султан-Галиев. – М., 1922.

Типеев Ш. К истории национального движения в Башкирии, 1917–1929 гг. / Ш. Типеев. – Уфа, 1929.